

Зинаида Райх сражается за Есенина

Культура. — 1994. — 25 июня (№ 24). — С. 4.

лицист, заведующий Агитпропом, партноменклатура. Все они подчинялись Калинин, члену Политбюро и ЦК ВКП(б). Зинаида Райх верила в здоровые крестьянские корни «всеобщего старосты». Есенин был Калинин классовой брат, но младший, несмышленый, не сумевший в отличие от старшего, профессионального революционера, найти свое место в общем строю, несмотря на искренние попытки вписаться в «коммуной вздыбленную Русь».

Зинаида Райх учла то, предусмотрела это... Но разве могла она предположить, что Калинин не откажется вступить даже за собственную жену и не уберет ее от ГУЛАГа; что друг дома Керженцев в конце 1937 года напишет статью о Театре имени Вс. Мейерхольда «Чужой театр», поставившую фактически последнюю точку в уничтожении и театра, и Мастера; и что сама она, утратившая прежнюю уверенность в себе и потерявшая душевное здоровье, так привлекавшие к ней слабых мужчин-гениев, погибнет в 1939-м в своей квартире в Брюсовском от рук наемников из НКВД вслед за арестом своего второго мужа?

Конечно, четырехтомник Есенина в издательстве «Федерация» в 1929-м не вышел, не мог выйти, а Петров-Водкин ни в какой Давос не поехал. Но дело, о котором хлопотала Райх, все же продвинулось, хоть и меньше, чем на расчетные 50 процентов.

В 1931 году в издательстве «Федерация» вышел томик Есенина «Стихи и поэмы», разумеется, без «разлагающих» российское население «Москвы кабацкой», «Черного человека» и с предисловием «От издательства». Редакция, верноподданнически оберегая чистоту своих идеологических позиций и спасая тем самым книгу, поясняла читателю, что видит Есенина не в новой эпохе, а позади нее, в нашем рабском, дореволюционном, буржуазном, реакционном прошлом, где он навсегда и остался. Так — выключенным из современности — должен был поминать Есенина и читатель. Это была самая малая цена за разрешение издания всеми инстанциями. Вопрос был поставлен круто: или так, с клеймом вчерашнего поэта, или никак.

Наступала полоса глухого забвения, небития поэзии Есенина. Табу с его книг медленно снималось только в 1960-х, в годы хрущевской оттепели, когда стихи и поэмы Есенина реабилитировались вместе с незаконно репрессированными их обвинителями: Сосновским, Косиором и Бухариным.

Г. БРОДСКАЯ.

Сергея Есенина, повесившегося в ленинградской гостинице в конце декабря 1925 года, хоронили, как национального поэта. Специальным поездом — престижной «красной стрелой» — везли его тело в Москву. У свежеснятой могилы высокие чины произносили высокие речи о роли поэта в истории русской культуры.

Но посмертная слава Есенина длилась недолго. Уже в 1926 году в «Комсомольской правде» появились две-три статьи, организованные — «мобилизованные» молодежной секцией Политпросвета, где поднимался вопрос о недопустимости распространения в деревнях «есенинщины» с ее «жаркими свечками» и «иконками». Так — с гласа народа — начиналась любая репрессивная кампания. В августе 1926 года к борьбе с религиозными и упадочническими настроениями, насаждаемыми поэзией Есенина, включились и верхи, как бы подхватив инициативу снизу. На одном из заседаний оргбюро ЦК ВКП(б) под председательством С. В. Косиора, секретаря ЦК ВКП(б), уже обсуждалась опасность книги Есенина и Достоевского, как почвы, на которой произрастает вредоносная идеология. На протоколах этого и других заседаний, раскрывающих тайный механизм репрессий, стоит гриф: секретно. Все эти документы хранятся в бывшем партархиве бывшего Института марксизма-ленинизма, ныне в РЦХИДНИ. Сегодня с ними можно ознакомиться.

Волна идеологических чисток только набирала высоту. Оргвыводов в 1926 году в отношении к поэзии Есенина еще не делали. И хотя Госиздат — центральное орудие партии в области печати, запланировавший четырехтомник Есенина на 1926—1927 годы, — подвергся на оргбюро в июле 1926 года резкой критике за беспринципное ослабление политики, препятствующей распространению злопыхательской литературы; хотя из планов Госиздата и были исключены книги Эренбурга и Пильняка, как образчики литературы подобного рода, — четыре тома Есенина наряду с собраниями сочинений Горького, Маяковского, Бедного и других русских писателей, признаваемых советскими властями, были утверждены и благополучно в 1927 году вышли из печати. В истории книгоиздания это называлось: успели проскочить.

Но ситуация на идеологическом фронте со второй половины 1920-х резко менялась. Страна приближалась к победе социализма, к созданию тоталитарного общества.

В январе 1927 года в газете «Правда», органе ЦК ВКП(б), был опубликован критический

opus теоретика партии, экономики и культуры Н. М. Бухарина «Злые заметки». Сколь талантливый, столь и гнусный. Он сам расценивал это свое правдивое выступление, как «хорошенький залп» против пьяницы-разложника, у которого есть неплохие стихи, звучащие, как серебряный ручей, но который в целом — явление отвратительно — напудренное, нагло-раскрашенное россыпью матерщины, смоченное пьяными слезами и оттого еще более свинское. Развертывая свою аргументацию, Бухарин опирался на труд Ленина «О национальной гордости великороссов», и Есенин оказывался в «Злых заметках» оскорбителем национальных святынь. Чего только не было в этой статье. И то, что ухарь-купец в лаковых сапожках и шелковым шнурком на вышитой рубашке воспевае все самое худшее, что есть в русском народе: невежество, мордобой, внутреннее разгильдяйство, корюдство. И то, что влиянием его поэзии, «обожествляющей самые отсталые формы крестьянской жизни», тлетворно. И то, что смесь водки с рыданиями и «икотой» хулигана губительна для нарождающейся формации граждан.

Устами правдиста, хлестава-поэта и его поэзию «злыми» словами, партия выдавала народу, всей стране идеологические установки. Очень скоро они становились обязательными на всех общественных уровнях, как и положено при тоталитаризме.

«Есенинщина» должна быть изолирована от сознания трудящихся масс и прежде всего комсомольцев, перестраивающих мир и нуждающихся в бодрых песнях, указывала «Правда».

И, как следствие всей этой кампании, издательство писателей «Федерация» по требованию директора Главлита П. И. Полянского заявило о

приостановке четырехтомника Есенина, издания «несвоевременного», хотя прежде и включавшая мужчин и гостей на балу и породой, и напором, она осуществляла пушкинскую формулу Софьи: «не то блядь, не то московская кузина». Мейерхольд ценил в ней и дарил своей публике и ее ярко выраженный интеллект. В «Списке благодарений» Юрия Олеши он доверил ей роль Гамлета. Она выходила на сцену, затянута в костюм принца Датского, в черном плаще и с рапирой в руках. В спектаклях политобозрениях режиссер обрамлял ее почти сольные номера эффектными массовками. В классике заставлял восхититься мизансценами, подчеркивавшими ее эксцентрическую пластику. Она ловко, ладно, в своем рисунке и энергично двигалась, переводя, в соответствии со своей актерской индивидуальностью и заданиями Мейерхольда, сентиментальность и чувствительность прежних эпох в агрессивную-наступательный регистр, отечавший энтузиазму страны социализма, будь то влюбленная в Петра Аксуюша в «Лесе» Островского, персонажи сатирических комедий или даже Маргарита Готье в «Даме с камелиями», которая, умирая, энергичным жестом срывала штору в спальне, распахивала окно, и свежий ветер врывался в комнату. И в смерти на сцене она была сильной.

Зинаида Райх была центром каждого спектакля Мейерхольда, даже если ее роль не была центральной в пьесе. Все в его спектакле было подчинено ей. Удовлетворяя ее ненасытный актерский аппетит, ее природную страсть к игре, как оказалось, болезненную, приводящую к несчастью, Мейерхольд сочинил для нее вереницу персонажей. Во всех ролях она была бодра, дерзка, проявляла дух независимости и бунтарства. Мейерхольд в 20-

кале 30-х опирался на ее душевное здоровье, веселость и победительность, они и ему прибавляли крепости. Классически красивая, с выразительным голосом, Зинаида Райх год от года премьерства набирала под руководством Мейерхольда в мастерстве более тонкой ансамблевой игры, которой долго не владела, предпочитая ей свое соло. Это подтверждают ее знаменитые партнерши — Ильинский, Гарин, Царев. Окруженная поклонниками, она гордилась Мейерхольдом, его талантом и его верностью ей, потрясавшей тех, кто знал его опасно, дьявольски неверным.

А вот Михаилу Чехову, наблюдавшему чету Мейерхольдов в Берлине в 1930 году, бросилось в глаза другое. В предисловии к книге о Мейерхольде Ю. Елагина «Темный гений» Михаил Чехов подтверждал, что Мейерхольд любил свою жену «страстно и преданно». Кроме того, по свидетельству М. Чехова, «ее преданность советской власти, казалось мне, была более глубокой и даже более искренней, нежели ее чувства к собственному мужу». Так или не так, но стать Мейерхольду политэмигрантом она не позволила: слишком была привязана к сцене и к своей великобесовской жизни и слишком была избалована вниманием «верхов». Ежедневно в московской мейерхольдовской квартире в Брюсовском переулке творческая элита встречалась на вечеринках с кремлевскими комиссарами, с начальниками и чекистами с Лубянки, с партийными боссами, с чиновниками из правительственных кругов и даже с иностранцами. Легально. На такие контакты в конце 1920-х уже редко кто отваживался. Зинаида Райх играла с огнем.

Калинину, спасая запланированное «Федерацией» издание Есенина, писала не только

премьерша, царица театра Мейерхольда, но и «своя среди своих». Женщина незаурядного — острого и живого ума, она отлично — лучше Калинин — знала, на какие клавиши уже отлаженного механизма партийной власти надо нажимать. Она писала Калинин за просто, давая советы, подсылая последовательность оперативных действий в решении издательских проблем, сопряженных с идеологическими.

1929 г.
май, 28
Москва, Брюсовский, д. 12, кв. 11 тел. 3-04-11

Многоуважаемый
Михаил Иванович!

Терпеть не могу просить и «затруднять» и «отнимать» время, но вынуждает необходимость.

Первое: категорически запрещен к переизданию Сергей Есенин. Я знаю, сейчас лето — жарко — куда уж навязывать лишние и не по ведомству хлопоты. Но обращаюсь к Вам только постольку, поскольку мне лично известно (от Марии Бахрах), что Вы живой и культурный человек (я не о государственной и политической культуре сейчас говорю), и думаю, что если Вы этот вопрос поднимите (в ЦК), возмутитесь перед десятком Ваших друзей, то это кого следует пройма и может быть на 50% дело продвинет.

Лебедев-Полянский отвечает кризисом бумаги, но ведь это отговорка, так как издательство «Федерация Писателей» готова печатать Есенина, ибо на книжном рынке его нет, он распродан, а печатать его выгодно, спрос большой (так говорят в самом книгоиздательстве).

Керженцева просить тоже не хочу, лично хорошо знакома, вижу, он бывает у нас и дружен с Мейерхольдом, но знаю

премьерша, царица театра Мейерхольда, но и «своя среди своих». Женщина незаурядного — острого и живого ума, она отлично — лучше Калинин — знала, на какие клавиши уже отлаженного механизма партийной власти надо нажимать. Она писала Калинин за просто, давая советы, подсылая последовательность оперативных действий в решении издательских проблем, сопряженных с идеологическими.

1929 г.
май, 28
Москва, Брюсовский, д. 12, кв. 11 тел. 3-04-11

Многоуважаемый
Михаил Иванович!

Терпеть не могу просить и «затруднять» и «отнимать» время, но вынуждает необходимость.

Первое: категорически запрещен к переизданию Сергей Есенин. Я знаю, сейчас лето — жарко — куда уж навязывать лишние и не по ведомству хлопоты. Но обращаюсь к Вам только постольку, поскольку мне лично известно (от Марии Бахрах), что Вы живой и культурный человек (я не о государственной и политической культуре сейчас говорю), и думаю, что если Вы этот вопрос поднимите (в ЦК), возмутитесь перед десятком Ваших друзей, то это кого следует пройма и может быть на 50% дело продвинет.

Лебедев-Полянский отвечает кризисом бумаги, но ведь это отговорка, так как издательство «Федерация Писателей» готова печатать Есенина, ибо на книжном рынке его нет, он распродан, а печатать его выгодно, спрос большой (так говорят в самом книгоиздательстве).

Керженцева просить тоже не хочу, лично хорошо знакома, вижу, он бывает у нас и дружен с Мейерхольдом, но знаю

премьерша, царица театра Мейерхольда, но и «своя среди своих». Женщина незаурядного — острого и живого ума, она отлично — лучше Калинин — знала, на какие клавиши уже отлаженного механизма партийной власти надо нажимать. Она писала Калинин за просто, давая советы, подсылая последовательность оперативных действий в решении издательских проблем, сопряженных с идеологическими.

1929 г.
май, 28
Москва, Брюсовский, д. 12, кв. 11 тел. 3-04-11

Многоуважаемый
Михаил Иванович!

Терпеть не могу просить и «затруднять» и «отнимать» время, но вынуждает необходимость.

Первое: категорически запрещен к переизданию Сергей Есенин. Я знаю, сейчас лето — жарко — куда уж навязывать лишние и не по ведомству хлопоты. Но обращаюсь к Вам только постольку, поскольку мне лично известно (от Марии Бахрах), что Вы живой и культурный человек (я не о государственной и политической культуре сейчас говорю), и думаю, что если Вы этот вопрос поднимите (в ЦК), возмутитесь перед десятком Ваших друзей, то это кого следует пройма и может быть на 50% дело продвинет.

Лебедев-Полянский отвечает кризисом бумаги, но ведь это отговорка, так как издательство «Федерация Писателей» готова печатать Есенина, ибо на книжном рынке его нет, он распродан, а печатать его выгодно, спрос большой (так говорят в самом книгоиздательстве).

Керженцева просить тоже не хочу, лично хорошо знакома, вижу, он бывает у нас и дружен с Мейерхольдом, но знаю

его внутреннюю принципиальную точку зрения — язык не поворачивается «ходатайствовать». Решила написать Вам и еще двум-трем товарищам из «верхов».

Это запрещение столь «некультурно» и столь нелепо, — я вот уже два месяца этим возмущаюсь, но пока негромко и необщественно. На имени Есенина налипало столько грязи и неверных истолкований, что трудно говорить в оглохшие уши, закрытые дурацким отношением к Есенину — Бухарина и Сосновского, и присными. Думаю и надеюсь, что это столь очевидно — нелепость запрещения, что если с одной стороны одернуть Лебедева-Полянского (не знаю, право, под чью дудку он в этом вопросе пляшет), а с другой вместо четырех томов напечатать три (не печатать «разлагающих» стихов, вроде «Москвы кабацкой»), то этот вопрос ликвидируется без ненужной шумихи.

Зинаида Мейерхольд-Райх.

Второе: о Петрове-Водкине.

Прилагаю письмо своего старого приятеля Разумника Иванова о художнике Петрове-Водкине, весьма крупном и ценном, которому надо было бы основательно помочь: дать денег и послать его лечиться в Давос. Может быть поможет!

Простите меня, что я слишком не официально, а по-человечески прошу Вас.

Привет.

Мария Бахрах — это рядовой аппаратный партработник, что-то вроде секретарши, жена мейерхольдовского художника В. А. Шестакова, оформившего многие его спектакли. П. М. Керженцев — активист Пролеткульта, соратник Мейерхольда по ТЕО Наркомпроса, А. Л. Сосновский — журналист, пуб-